

К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО СО СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКОЙ

Н. Сладкевич

Пятидесятые и шестидесятые годы XIX в. характеризовались возросшей активностью и углублением идейно-политической борьбы общественных группировок. На фоне этого общественного оживления, наступившего в стране после Крымской войны, заметное место занимает полемика Н. Г. Чернышевского со славянофилами, претендовавшими на видную роль в общественной жизни. Выяснение взаимоотношений Чернышевского со славянофилами проливает свет на одну из сторон политической жизни России середины прошлого столетия — на перипетии идейной борьбы, происходившей в это время между революционно-демократическим лагерем и кругами либерального дворянства.

«Одна критика 1840—1847 годов заслуживает нашего внимания... Литературные стремления, одушевлявшие критику 1840—1847 годов, или, как мы согласились называть, критику гоголевского периода, кажутся нам, как и всем здравомыслящим людям настоящего времени, вполне справедливыми; мы все привязаны к ней горячей любовью преданных и благодарных учеников»¹, — этими словами, проникнутыми чувством глубокого уважения к Белинскому, Чернышевский подчеркнул свою преемственную связь с ним, возвести о себе как о продолжателе традиций великого русского критика 40-х годов. Под углом зрения «критики гоголевского периода» подошёл Чернышевский и к рассмотрению воззрений славянофилов. Ещё в письме к Пыпиным от 1847 г. Чернышевский признаёт во многом справедливыми мысли, содержащиеся в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», злостной в значительной степени против славянофилов². Чернышевский высказывает суждение о славянофильстве и в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Мы никогда не разделяли и не чувствуем ни малейшего влечения разделять мнения славянофилов»³. Как и Белинский, Чернышевский подвергал резкой критике славянофилов, а славянофилы, в свою очередь,

не скрывали своих антипатий к направлению Чернышевского. Принципиальная враждебность их друг к другу являлась выражением непримиримости интересов, двух классово противоположных сил: революционной демократии и дворянства.

Как известно, славянофилы были яркими противниками материалистической философии, защитниками монархического строя, проповедниками теории мирного развития, отражавшими страх дворянства перед ростом классовой борьбы в стране. Они выступили с исторической схемой, пронизанной духом узкого национализма и преклонения перед догмами православия, резко противопоставляющей путь «внутренней правды» России пути «внешней правды» Запада (К. Аксаков), «художественно-созерцательную культуру» Востока «рационалистической культуре» Запада (И. Киреевский). От славянофильского учения, идеализировавшего допетровскую Русь и пронизанного поповщиной, веяло, по словам Герцена, «душным византизмом». Но славянофилы вместе с тем являлись оппозиционной правительству группировкой, часто направлявшей свою критику против цензурного произвола, полицейской опеки, бюрократического засилья. В «Русской беседе» — главном теоретическом органе славянофилов 1856—1860 гг. — немало ядовитых упреков адресовалось правительству. Славянофилы призывали правительственные круги даровать обществу свободу слова, совести и мысли и предотвратить тем самым, как они говорили, опасность нарушения нормального кровообращения государственного организма. Славянофилы не были и сторонниками крепостного права. В вопросах наделения крестьян землёй и определения суммы выкупа они стояли на тех же позициях, как и представители других оттенков дворянского либерализма. Оппозиционные мысли, содержащиеся в статьях славянофилов, отрицательное отношение их к крепостному праву не могли, разумеется, не сыграть своей роли в том, что Чернышевский, несмотря на всю пропасть, отделявшую его от славянофилов, высказал с началом издания «Русской беседы» предположение, что между «Современником» и славянофильским журналом могут найтись некоторые точки соприкосновения⁴.

¹ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 119.

² Ляцкий Е. «Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли», «Современный мир» № 10 за 1910 г., стр. 159.

³ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 66.

⁴ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 430.

В литературе распространено мнение, что появление ноток сочувствия в отношениях между «Современником» и славянофилами является результатом якобы подверженности Чернышевского в первые годы царствования Александра II либеральным влияниям⁵. Анализ материалов о взаимоотношениях Чернышевского со славянофилами вскрывает порочность этой трактовки, искажающей облик Чернышевского. Несомненно, что в начальный период подготовки крестьянской реформы в общественных кругах возлагались большие надежды на возможность мирного обновления страны, и размежевание общественных группировок тогда ещё не обозначилось так ясно, как в последующие годы. Не предстал ещё тогда перед Чернышевским и русский либерализм во всей своей наготе, каким он явился перед ним через несколько лет. В Кавелине Чернышевский ещё не видел тогда прообраза Рязанцева, выведенного им впоследствии в «Прологе». Но, конечно, и в эти годы Чернышевский выступал убеждённым революционером-демократом, чуждым колебаниям от демократизма к либерализму. От произведений его, отмечал Ленин, «веет духом классовой борьбы»⁶.

Чернышевский — ярый враг либерализма. Его сочинения полны нападок на либералов за их колебания и трусость. Но он не отказывается от использования либеральной оппозиции, от частичных соглашений с ней в борьбе против крепостников. И если для внесения раскола в среду дворянства, для ослабления реакционного лагеря Чернышевскому оказался полезным Кавелин, записка которого, опубликованная в «Современнике» в 1858 г., произвела большое впечатление в общественных кругах и вызвала сильное недовольство правительства, то прямой смысл он видел и в том, чтобы попытаться использовать славянофилов для разложения реакционного лагеря.

Следует, между прочим, заметить, что славянофилы, опасаясь остаться изолированными в обществе, старательно пытались в предреформенные годы скрыть наиболее уязвимые места своих идеологических позиций. Анненков в своих «Воспоминаниях» писал, что славянофилы ещё в 40-х гг. обнаружили умение выставлять себя на показ с «лучшей стороны», свидетельством чего являются, по его мнению, помещённые в первых номерах «Москвитянина» за 1845 г. статьи Киреевского и Хомякова, в которых они решительно отмежевались от «доморощенных гонителей Запада»⁷. Ещё большая гибкость присуща была славянофилам в 50-е годы. Идеинный арсенал их, всегда отличавшийся нестротой и разноречивостью

воззрений, обогатившись в этот период понятиями, противоречивыми принципам ортодоксального славянофильства 40-х годов. Программная статья «Русской беседы», открывающая её первый номер, полемизируя с противниками славянофилов, утверждая их в односторонности и примитивности суждений, уверяет читателей, что выходящий в свет журнал не отрицает заслуг Запада и выступает за разумное усвоение всякого нового плода западной мысли⁸. В другой статье, оповещающей о продолжении издания «Русской беседы» и в 1857 г., также подчёркивается, что журнал не враждебен западной цивилизации и ставит одной из своих задач «показывать истинные отношения Запада к России и России к Западному»⁹.

Чернышевский с похвалой отзывался о намерении «Русской беседы» основательно знакомить русское общество с достижениями западноевропейской науки и разрабатывать вопросы, преимущественно касающиеся русской жизни. «Прекрасно,— восклицает Чернышевский, говоря о просветительских планах «Русской беседы», — мы все хотим того же самого»¹⁰. Считая заслуживающим внимания самый факт признания «Русской беседой» значения европейской науки, Чернышевский вместе с тем предупреждает против опасностей раболепного отношения к ней: «Нужна нам европейская наука? вот в чём вопрос, а не в том, изъята ли она в своём нынешнем виде от всяких недостатков и во всём уже достигла совершенства, этого никто и в Западной Европе, никто из умных людей не думает и у нас»¹¹.

Чернышевский далёк от восторженного отношения к Западу. Он знает, какое разочарование ждёт людей, находящихся в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа — земной рай¹². Ему хорошо видны тёмные стороны западноевропейской жизни. От его взора не укрылось «прискорбное разноречие» европейской действительности «с потребностями и идеалами современной мысли»¹³, глубина социальных конфликтов, бедственное положение низов, невежество народных масс, отрыв науки от жизни и др.

Вскрывая узкий национализм славянофилов, их «одностороннее пристрастие к своему»¹⁴, Чернышевский, однако, находит весьма полезными отдельные их критические замечания, направленные против тех западников, которые ослеплены всем иностранным и предпочитают чужое своему. По мнению Чернышевского, при той неясности, которая была в обществе во взглядах «о том, что хорошо и что дурно в Европе», даже славянофильская критика европейского быта

⁵ Корнилов А. «Крестьянская реформа», стр. 33, СПб. 1905. Его же. «Общественное движение при Александре II», стр. 20—23, М. 1909. Иванов-Разумник Р. «История русской общественной мысли», ч. IV, стр. 18—19, П. 1918.

⁶ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 342.

⁷ Анненков П. «Литературные воспоминания», стр. 385—394, Л. 1928. «Москвитянин» №№ 1 и 2 за 1845 год.

⁸ «Русская беседа». Т. I за 1856 г. Предисловие.

⁹ «Русская беседа» Т. IV за 1856 г. «Об издании «Русской беседы» на 1857 год».

¹⁰ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 423.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Т. III, стр. 152.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, Т. II, стр. 72.

могла оказать услугу делу «очищения наших понятий о Европе»¹⁵. Вместе с тем острый глаз Чернышевского уловил, что осуждение славянофилами Запада сочетается с тяготением их к реакционным идеям, в значительной мере почерпнутым из западных источников, в частности с приверженностью их к самым реакционным сторонам шеллингианства. Связь славянофилов с реакционными течениями Запада Чернышевский и имел в виду, когда писал в «Очерках гоголевского периода» о заимствовании славянофилами многих своих мыслей «из некоторых второстепенных французских и немецких писателей... недовольных тем, что их различные остальные понятия или наивные ожидания не подтверждаются наукой»¹⁶.

В «Заметках о журналах за апрель 1857 г.» Чернышевский писал, что у славянофилов есть черта, ставящая их «выше многих из самых серьёзных западников»¹⁷. Едва ли не самой значительной их заслугой он считал постановку ими вопроса о роли общины в русской жизни, за что нередко Чернышевский даже с меньшей полемической заострённостью реагировал на их высказывания, смягчал оценку их, а в выборе между славянофилами и отдельными западниками отдавал иногда предпочтение первым. «Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов, — писал в 1857 г. Чернышевский, — с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сёл должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях»¹⁸.

Из общественных группировок славянофилы первыми серьёзно заинтересовались общиной, первыми заявили себя сторонниками общинного землевладения, опередив в этом отношении и прусского барона Гакстгаузена, совершившего в 1843 г. своё путешествие по России¹⁹.

Ещё Герцен, обязанный своим первым ознакомлением с проблемой общины славянофилам (а не сочинению «прусского чиновника Гакстгаузена», как полагал Маркс²⁰), свидетельствует в «Былом и думах» о влиянии, оказанном на Гакстгаузена Аксаковым, научившим прусского барона понимать «сельскую общину, мир и артель»²¹. Как и Герцен, Чернышевский далёк от мысли видеть в Гакстгаузене исследователя, открывшего русскую общину. Чернышевский в полемике с Чичериным, в частности, упрекал его в том, что он в своей теории государственного происхождения русской общины уделяет слишком боль-

шое внимание Гакстгаузену и при этом упускает из виду, что, критикуя последнего, он, по существу, опровергает мнение, «только разделяемое немецким путешественником, но вовсе не им основанное»²². Позволятельно, конечно, усомниться в том, чтобы иностранец, не знавший русского языка, пробыв в России несколько месяцев, составил себе ясное представление об особенностях русского поземельного устройства. Несомненно, Гакстгаузен не обошёлся без помощи членов московских кружков в лице Аксакова, Хомякова, Самарина и их единомышленников, давно уже проявлявших большой интерес к сельской общине. В полемике со своими противниками славянофилы часто ссылались на Гакстгаузена. Авторитет Гакстгаузена, имевшего репутацию одного из крупнейших исследователей земельных отношений, использовался ими для того, чтобы придать в глазах общества больший вес общинной теории. Воспоминая, что первые статьи об общине были встречены в обществе с недоверием и даже с насмешками, Кошелев с иронией отмечает: «К счастью, иностранец, немец (барон Гакстгаузен), посетивший отечество наше, разрешил нашим учёным серьёзно рассуждать о деле, о котором дотоле они упоминали только в шутку»²³. Кошелев пишет, что не славянофилы у Гакстгаузена почерпнули общинную теорию, а, наоборот, Гакстгаузен у славянофилов. «Имел я дело с бароном Гакстгаузенем (речь идёт о встрече с ним в Женеве в 1857 г.—Н. С.), которому, наконец, мы втолковали смысл и значение русской общины»²⁴. О своих встречах с Гакстгаузенем на водах в Карлсбаде в 1859 г. Кошелев писал Аксакову: «Здесь я провожу много времени с Гакстгаузенем... по пяти часов говорим без умолку. Теперь, верно, он опять напишет что-нибудь об общине, ибо мы этот вопрос трактовали вдоль и поперёк. Конечно, много мыслей моих он выдаст за свои, но от него многое скорее примут, чем от меня, а потому — коли не мытьём, так катаньем»²⁵.

Как известно, славянофилы считали общину основой народной жизни, формой, раскрывающей лучшие стороны человека, осуществляющей высший нравственный закон. В применении к вопросам землевладения славянофильская антитеза Запада и Востока приняла характер противопоставления личного пользования землёй на Западе общественному землепользованию в России. В предреформенные годы в славянофильской публицистике, наряду с обычными суждениями об общине, как о порождении «народного духа», о «нравственном хоре голосов», всё более оттеняется мысль о нивели-

¹⁵ Чернышевский Н. Собр. Соч. Т. III, стр. 152.

¹⁶ Там же. Т. II, стр. 72—73.

¹⁷ Там же. Т. III, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 199.

¹⁹ См. В. М. Штейн «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX вв.», стр. 112—118. Изд. ЛГУ. Ленинград. 1948.

²⁰ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 810. 1934.

²¹ Герцен А. «Былое и думы». Собр. соч. под редакцией Лемке. Т. XIII, стр. 148.

²² Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 366.

²³ Кошелев А. «Общинное поземельное владение», ответ Ф. Тернеру. «Сельское благоустройство» за 1858 г. Т. VIII, стр. 107—108.

²⁴ «Записки А. И. Кошелева», стр. 114. Берлин. 1884.

²⁵ Колупанов Н. «Биография А. И. Кошелева». Т. II, стр. 331. М. 1892.

рующей роли общины, о значении её как средства, которое позволит крестьянству избежать пауперизации и предотвратить страну от появления в ней пролетариата. «Скажем одно, — пишет Кошелев в ответ Ф. Г. Тернеру, — если не хотеть пролетариата, то средство одно — общинное землевладение. Помимо его, в этом отношении нет спасения»²⁶. Охваченные чувством страха перед опасностью распространения в России «общественных язв», уже давно разьедавших тело Запада, славянофилы в общине искали противоядия от социальных потрясений.

Нетрудно заметить, что имеется лишь внешнее сходство между аргументацией славянофилов и доводами Чернышевского в пользу общинного землевладения. Правда, и Чернышевский находит общину благодетельной в силу того, что она предохраняет страну «от страшной язвы пролетариата в сельском населении»²⁷, и спасение России от бедствий, постигших Запад, по его мнению, может быть достигнуто лишь принятием мер, преграждающих путь развития частной собственности. Однако основные положения общинной теории Чернышевского совершенно отличны от общинных воззрений славянофилов.

Чернышевский не смотрел на общину как на неизменную форму народной жизни. Нелепым представлялся ему славянофильский взгляд на общину как на воплощение религиозно-нравственной идеи, чуждой мирским интересам. Он отрицательно относился и к славянофильской мысли об общине как о «самобытном», специфически русском явлении. Чернышевский понимал, что общинное землепользование, присущее всем народам на определённом историческом этапе, уцелело в России в силу отсталости страны, вследствие «невыгодных обстоятельств нашего исторического развития», в результате причин, «надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту»²⁸. На первый план в общинной теории Чернышевского выдвигалась прежде всего идея об общине, как об исходном пункте развития социализма в России. Поэтому Чернышевский в борьбе против тех, кто выступал за уничтожение общины, солидаризировался до известной степени со славянофилами, отстаивавшими сохранение общины. Наличие общины должно было, по его мнению, гарантировать сохранение земель за крестьянством. Опасения, что разгром общины приведёт к захвату помещиками и зажиточными крестьянами общинных земель, и придавали особую остроту его полемике со сторонниками частного землевладения. «Но скажите, неужели невозможно сохранить принцип: «каждый земледелец должен быть землевладельцем, а не батраком, должен сам на себя, а не на арендатора или помещика работать?» — спрашивает Чернышевский

у Зелёного в письме, датированном июнем 1857 года²⁹. И далее заключает: «Как скоро допустим, что при эмансипации земля даётся в полную собственность не общине, а отдельным семействам с правом продажи, они пропадут свои участки, и большинство сделается бобылями. Освобождение будет, когда, я не знаю, но будет; мне хотелось бы, чтобы не влекло за собой превращение большинства крестьян в безземельных бобылей! К этому я хотел бы приготовить мысль образованных людей, давно уже приготовленных к эмансипации»³⁰.

В обстановке, сложившейся в рассматриваемый нами период, Чернышевский находил целесообразным, при всём отличии своих взглядов на общину от славянофильской концепции общинного землевладения, оказывать поддержку славянофилам, чтобы ослабить позиции поборников частного землевладения, т. е. той группы помещичьего лагеря, которая, по его мнению, вела подготовку реформы в сторону, наименее выгодную для крестьянства. (Весьма характерно, что усиление интереса Чернышевского к славянофилам относится ко времени его особенного увлечения общиной — к 1856—1858 годам.)

Следует, конечно, иметь в виду, что Чернышевский и славянофилы не забывали об огромной дистанции, отделяющей их друг от друга. С позиции помещичьей идеологии славянофильские органы печати подвергали критике революционно-демократические взгляды «Современника». Чернышевского за его статью «О новых условиях сельского быта» славянофилы упрекали в отвлечённости, теоретизировании, в отрыве от «жизненного опыта»³¹. «Сельское благоустройство» упрекало Чернышевского в том, что в его статье «Труден ли выкуп земли?» выводится слишком низкая стоимость крестьянского надела и что производимые им «фантастические расчёты» влекут дворянство к разорению³². Славянофильские статьи полны были обвинениями Чернышевского в пристрастии к «западным ассоциациям», в подверженности «теоретическим заблуждениям», за чрезмерную «роскошь в цифрах» и обилие «диалектических острот»³³.

Славянофилы отмечали и своё несогласие со взглядами Чернышевского на общину. «Защищая с «Современником» одно и то же мнение, — пишет в 1857 г. Кошелев, — т. е. необходимость сохранения общинного владения землёю в России, мы, к великому нашему прискорбию, не можем вполне согласиться ни с одним из его положений»³⁴.

²⁶ Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 331. ГИЗ. М.-Л. 1928.

²⁷ Там же.

²⁸ «Сельское благоустройство» за 1858 г. Библиография. Т. III, стр. 59.

²⁹ Там же, 1859, Т. II, стр. 72—73.

³⁰ «Русская беседа» за 1857 г. Т. IV. «Сельское благоустройство» за 1858 г. Т. III, VII и др.

³¹ Кошелев А. «По поводу журнальных статей». «Русская беседа» за 1857 г. Т. IV, стр. 170.

²⁶ Кошелев А. «Общинное поземельное владение», «Сельское благоустройство» за 1858 г. Т. VIII, стр. 140.

²⁷ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. III, стр. 293.

²⁸ Там же, стр. 303.

Как мы уже видели, у Кошелева действительно не могло быть общего языка с Чернышевским. Чернышевский отстаивал принцип общинного землевладения в интересах крестьянства, Кошелев — в интересах помещичьего класса. Чернышевский полезность общины усматривал в возможности перехода, через неё к социализму при условии победы революции в стране, Кошелев пользу общины находил в предотвращении революции. Чернышевский в общине видел залог построения социализма («крестьянского социализма»), Кошелев — средство консервирования «самобытных», патриархальных отношений. «Господин Чернышевский, — пишет Кошелев, — защищает мирское пользование или владение землёй — в этом мы с ним вполне согласны, но господин Чернышевский смотрит на нынешнюю нашу общину как на ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями; туда за господином Чернышевским мы следовать не расположены»³⁵. Эти доводы, повидимому, должны были вполне убедить читателей славянофильских журналов, что издатель «Русской беседы» не пойдёт за Чернышевским, а «Современник» не попадёт в число единомышленников «Русской беседы».

Притягательная сила статей Чернышевского была настолько велика, что даже среди читателей «Русской беседы» и «Сельского благоустройства» встречались лица, находившие аргументацию Чернышевского в пользу общины более убедительной, чем доводы за неё славянофильских публицистов. Один из этих читателей, В. Лобода, откликнувшись на статью Кошелева «О мелкопоместных дворянах», помещённую в № 2 «Сельского благоустройства» за 1858 г., упрекнул автора в недостаточном понимании роли общины и рекомендовал редакции журнала продискутировать с Чернышевским вопрос об общине. «И я полагаю бы, — пишет В. Лобода, — статью господина Чернышевского³⁶, написанную в защиту общины, если силы у кого хватят, не ограничиваясь одними подтруниваниями и намёками, окончательно опровергнуть или же дать ей полную силу и господство. Тут дело идёт не о личном воззрении, а о существенной пользе миллионов людей»³⁷. Любопытно, что в тексте статьи В. Лободы напечатанной в № 5 «Сельского благоустройства» за 1858 г., мы не находим цитированного места, вычеркнутого, повидимому, редакцией журнала. Последняя не только не намеревалась открыть широкую полемику с Чернышевским, но не считала даже целесообразным поведать своим читателям о предложении В. Лободы.

³⁵ Кошелев в А. «По поводу журнальных статей». «Русская беседа», за 1857 г. Т. IV, стр. 70.

³⁶ Речь идёт о статье Чернышевского «О поземельной собственности», напечатанной в ноябрьском номере «Современника» за 1857 год.

³⁷ Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Архив «Сельского благоустройства», папка № 7060, рукопись № 11. См. также «Сельское благоустройство» за 1858 г. Т. V.

Не прекращалась в это время и борьба Чернышевского со славянофильством. В «Заметках о журналах» за май 1856 г. — этой наиболее сочувственной «Русской беседе» статье Чернышевского, радушно приветствующей славянофильский орган и желавшей ему «благоденствия и процветания», — с первых же строк, однако, говорится о коренных расхождениях между убеждениями «Современника» и славянофильского журнала³⁸. Чернышевский со всей резкостью обрушивается против Филиппова за его статью о драме Островского «Не так живи, как хочется», освящающую неравноправное положение женщины в семье и возводящую в высшую добродетель смирение людей перед своей судьбой. «Я не знаю, — писал Филиппов, — как кому, а мне эта кроткая покорность судьбе, которой переменить нельзя... представляется трогательнейшей чертой, умиляющей до слёз»³⁹. Полный возмущения против статьи, умиляющейся рабской покорностью, Чернышевский гневно отозвался об авторе её, посоветовав «Русской беседе» отметить несоответствие своих взглядов с мнением «господина N»⁴⁰.

Едва ли можно сомневаться в том, что Чернышевский прекрасно видел органическую связь высказываний Филиппова, подвизавшегося в роли официального редактора «Русской беседы» и испросившего предварительно благословения на это поприще московского митрополита Филарета и оптинского старца Макария⁴¹, — со взглядами остальных членов московского кружка. Почему же тогда в «Заметках» он высказывал предположение, что между Аксаковым, Самариним и Филипповым по всей вероятности не будет единства, «в чём-нибудь существенно важном»⁴², для чего он призывал «Русскую беседу» отмежеваться от Филиппова? Нам представляется, что Чернышевский прибегнул здесь к искусному тактическому ходу, предпринятому им с целью побудить «Русскую беседу» со всей ясностью высказаться по вопросам тесно сближающим воззрения славянофилов с официальной идеологией и, точнее определив своё кредо, явиться перед читателями в своём истинном виде. Именно этими соображениями он руководствовался, когда настойчиво рекомендовал «Русской беседе» «точнее и строже определить границы своего направления»⁴³. Более точное определение «Русской беседы» своих позиций должно было, по мысли Чернышевского, способствовать и расслоению славянофилов. Не потому ли он постоянно подчёркивал, что делает различие «между соучастниками» «Русской беседы», и, говоря о людях, которые могут умножить

³⁸ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 422.

³⁹ «Русская беседа» за 1856 год. Т. I, стр. 89.

⁴⁰ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 424.

⁴¹ Барсуков Н. «Жизнь и труды Погодина». Кн. 14-я, стр. 317. СПб. 1900.

⁴² Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 424.

⁴³ Там же.

славу журнала, имеет в виду «не всех участников», а «лучших сотрудников» «Русской беседы», и что вообще «Русская беседа» должна быть более разборчивой «в выборе союзников»? ⁴¹.

Высказывания Чернышевского о Филиппове, как и в целом его «Заметки о журналах» за май 1856 г., вызвали большой резонанс в общественных кругах, содействуя уяснению направления представителей различных течений. Из журналов одним из первых откликнулась на них «Русская беседа». Выступивший в защиту своего единомышленника Хомяков подчеркнул, что у «Русской беседы» совершенно нет причин, чтобы отказаться от Филиппова ⁴². А Л. Н. Толстой, приписывая «Заметки о журналах» Некрасову, в известном к нему письме от 2 июля 1856 г. выражал своё явное неудовольствие тем, что «Современник» обругал Филиппова ⁴³.

Ни похвалы, адресованные Чернышевским «Русской беседе» в его «Заметках о журналах» за май 1856 г., ни высказывания его об искренности и преданности убеждениям деятелей славянофильства не должны вводить нас в заблуждение относительно общей оценки, даваемой им славянофилам в этот период. «Нет, нельзя, конечно, думать,— пишет Чернышевский в «Заметках о журналах» за декабрь 1856 г.,— чтобы славянофильство, в каком бы виде ни являлось оно, могло приобрести многих приверженцев,— оно слишком противоречит очевидным фактам и положительным потребностям русского общества» ⁴⁴.

И со всей открытостью Чернышевский высказал своё мнение о славянофильской концепции в письме к Зелёному, где он, не стесняемый цензурой и условиями, характеризовал славянофильство как «железность», как конгломерат суждений, по кусочкам заимствованных из Прудона и Симеона Столиникова, из Белинского и Булгарина, как эклектическую смесь, в которой обнаруживаются «несовместимые с здравым умом мысли» ⁴⁵.

Чем обострённее становилась к концу 50-х годов обстановка в стране, тем более ускорялся процесс идейного размежевания, тем яснее выступали классовые черты борющихся общественных группировок.

Конфликт Тургенева с «Современником», завершившийся в 1860 г. его разрывом с журналом,— один из ярких моментов, отражающих идейную дифференциацию, происходившую в русском обществе накануне реформы.

Останавливаясь в «Пolemических красотах» на коренных причинах раскола в «Современнике», Чернышевский писал, что неизбежность его вызывалась самим ходом политической борьбы: «Развивалась националь-

ная мысль, определённое становились убеждения и от этого сказывалась надобность разойтись людям, стоявшим рука об руку, поселялись несогласие в понятиях, а вслед за ним возникала и борьба между людьми, думавшими и действовавшими заодно, когда вопросов было не так много, вопросы были поставлены не так определённо и ответы на них не могли быть так разнородны, как сделались при дальнейшем развитии общественной жизни» ⁴⁶.

В начале 60-х годов Чернышевский окончательно убедился, что славянофилы не могут быть ему полезны в борьбе против крайних правых групп. Точек соприкосновения с ними в это время у него уже не могло быть. Разработка реформы подходила в 1860 г. к концу. Предреши́тость реформы снимала для него вопрос о предпочтительности либеральных проектов, в частности славянофильских, по сравнению с крепостническими, тем более, что в этот период, судя по мыслям, высказывавшимся Волгиным и отражавшим настроения самого Чернышевского перед реформой, он не усматривал особой разницы между планами разрешения крестьянского вопроса со стороны либералов и крепостников. Поняв классовую сущность подготавливаемого акта «освобождения», Чернышевский, как известно, вообще перестал с 1860 г. откликаться на него в «Современнике», не желая, как впоследствии он объяснял в «Прологе», заниматься делом, которое не могло быть разрешено «удовлетворительным образом». Решение всех вопросов для Чернышевского упиралось в проблему революции.

В начале 60-х годов борьба Чернышевского со всеми враждебными революционной демократии группировками вступает в новый этап. Она принимает весьма острую форму. С новой силой разгорелись споры между Чернышевским и славянофилами. О взаимном сглаживании в этой полемике острых углов уже не могло быть и речи.

Чернышевский со всей резкостью бичует славянофилов за их кичливость, самохвальство, за пренебрежительное отношение к Западной Европе и безотчётное поклонение перед всем самобытным, за всё более обнаруживающиеся в их высказываниях великодержавно-шовинистические устремления. Ещё в «Заметках о журналах» за май 1856 г. Чернышевский, иронизируя над самым названием «славянофильство», отмечал, что люди, именующие себя славянофилами, не имеют оснований присваивать себе монопольное право выражать симпатии славянским народам. «Во-первых,— пишет Чернышевский,— симпатии к славянским племенам не есть существенное начало в убеждениях целой школы, называемой этим именем. Вототых, кто же из образованных людей не разделяет ныне с нею этой симпатии?» ⁴⁷.

Претенциозность славянофилов, выдававших себя за единственно истинных патриотов и бескорыстных друзей славянства,

⁴¹ Там же. Т. III, стр. 22.

⁴² «Русская беседа» за 1856 год. Т. IV, стр. 92—107.

⁴³ «Современник» за 1913 год. Кн. I, стр. 239—241.

⁴⁴ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. III, стр. 22.

⁴⁵ Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 330. ГИЗ. М.-Л. 1928.

⁴⁶ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. VIII, стр. 225.

⁴⁷ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. II, стр. 422.

Чернышевский обличает и в своей блестящей полемической статье «Народная бестолковость», направленной против аксаковского «Дня». «Русскому народу, — заявляет Чернышевский, — не меньше, а может быть и гораздо побольше, чем славянофилы, сочувствуем все мы... отличиться от всей массы нас, русских литераторов, не называющихся славянофилами, — отличиться от нас любовью к нашему народу или к другим славянам точно так же нельзя, как нельзя отличиться от нас сочувствием к воскресным школам»⁵¹.

Выступление Чернышевского в 1861 г. против львовского «Слова» — органа галицийских националистов — послужило толчком к острой полемике, развернувшейся между «Днём» и «Современником» по польскому и украинскому вопросам. Чернышевский ясно видел классовую основу борьбы, происходившей в Галиции и принимавшей форму национальных конфликтов. Он понимал, что споры между украинцами и поляками коренятся в «сословных», а не в «племенных отношениях»⁵². «В землях, населённых малорусским племенем, — читаем мы в одной из цензурных купюр статьи Чернышевского «Национальная бестактность», — натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий: это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие простолудинов к полякам — просто недоверие к помещикам»⁵³.

Под другим углом зрения подошли к оценке отношений, сложившихся в Галиции, славянофилы, воспринявшие статью Чернышевского «Национальная бестактность» как вызов. Они решили, как писал «День», вступить в бой с «Современником», постоять и за себя и за славян⁵⁴. «День», упрекнув Чернышевского в «незнакомстве» с вопросом и попутно обвинив «Современник» в отсутствии у него «русского направления», свёл всё содержание политической жизни Галиции к «нетерпимости», «распрям», «несогласиям» между двумя народами⁵⁵.

Чернышевский вскрыл великодержавно-шовинистический характер рассуждения Ламанского, отрицавшего право украинской литературы на существование.

С позиций революционной демократии Чернышевский ополчился против славянофилов за их враждебное отношение к национально-освободительному движению польского народа и выступил за поддержку русскими поляков и развитие «дружеских чувств к русским в поляках»⁵⁶. Известно, что

Ленин с большой похвалой отозвался с взглядах Чернышевского на польский вопрос, отметил в подстрочном примечании в своей работе «Право наций на самоопределение» сходство позиций Маркса и Чернышевского в оценке значения польского движения⁵⁷.

Чернышевский был горячим поборником свободы славянских народов. «Сербы вместе с болгарам, — пишет он в рецензии на книгу Ранке «История Сербии по сербским источникам», — ближайšie к нам по родству из всех славянских единоплеменников наших, должны возбуждать в нас самое живое сочувствие»⁵⁸.

Не находятся ли выраженные Чернышевским горячие симпатии к славянам в противоречии с мыслями, высказанными им в статье «Народная бестолковость», в которой он в отличие от славянофилов, прельщающих славян перспективой оказания им помощи со стороны России, прямо заявляет, обращаясь к славянским народам: «Не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе»⁵⁹. Нетрудно, однако, понять, что позиция Чернышевского, ориентировавшего славян на самих себя, а не на поддержку извне, была тогда позицией истинного друга славянства. Видя в царизме злейшего врага, Чернышевский, естественно, весьма настроенно относился ко всяким планам освобождения славян с помощью царской России. В частности, и костомаровская идея федерации славянских народов отвергалась им из-за опасения, что она может оказаться орудием в руках царизма⁶⁰. Чернышевский сознавал, что не могло быть тогда и речи о скольконибудь серьёзном содействии славянам со стороны ещё слабых демократических слоёв России, поглощённых к тому же борьбой с самодержавно-крепостническим строем. Именно соображениями о первостепенном значении этой борьбы, разрешение которой должно было, по мнению Чернышевского, изменить политическую обстановку в Европе и оказать известное влияние на положение славянских народов, руководствовался он, когда писал, что имеет так много «домашних русских дел»⁶¹. Наконец, Чернышевский глубоко верил во внутренние силы славянских народов. Ставку он делал на оживление демократических элементов славянства. В активизации их он усматривал основное условие, необходимое для успеха дела освобождения славян.

Все высказывания Чернышевского по славянскому вопросу пронизаны мыслями, свидетельствующими о враждебном отношении его к планам объединения славян под эгидой царизма, а желании его видеть славян пол-

⁵¹ Там же. Т. VIII, стр. 320—321.

⁵² Там же, стр. 282—283.

⁵³ «Литературное наследство» № 3. М. 1932. Запрещённые цензурой тексты Н. Г. Чернышевского, стр. i01.

⁵⁴ «День» № 1 за 1861 г., стр. 15. Славянский отдел.

⁵⁵ «День» № 2 за 1861 г., стр. 15, № 5, стр. 14.

⁵⁶ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. VIII, стр. 323.

⁵⁷ См. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 457.

⁵⁸ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. III, стр. 101.

⁵⁹ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. VIII, стр. 331.

⁶⁰ Чернышевский Н. «По поводу «автобиографии» Н. И. Костомарова». «Литературное наследство». Т. III, стр. 529. ГИЗ. 1930. Письма.

⁶¹ Чернышевский Н. Собр. соч. Т. VIII, стр. 327.

ноправными, освобождёнными от влияния всех реакционных сил Европы, строящими свою жизнь на демократических основах и тесными узами связанными с демократическими кругами России. «Вот образ мыслей и действий, внушаемый нам любовью к славянским племенам»,—воскликнул Чернышевский, подытоживая свои суждения по славянскому вопросу, которые он противопоставлял высказываниям славянофилов. «Пусть образованные люди в этих племенах сами рассудят, кто на самом деле больше любит их: те ли, которые, подобно нашим славянофилам, льстят им и самохваляются, или те, которые предостерегают их»⁶².

Не славянофилы, а русские революционеры-демократы во главе с Чернышевским были подлинными друзьями славян.

«Мы с ним самые ярые противники»⁶³,—писал Аксаков А. Ф. Раеву о «Современнике» в сентябре 1861 года. В революционной демократии, опирающейся на «Современник», славянофилы видели своего опаснейшего политического врага, подрывающего их влияние в обществе, обрекающего на бесплодие и их усилия, направленные к расширению круга своих единомышленников.

С горечью Самарин признавался в том, что славянофилы находят незначительный отклик, оставаясь узкой группой, и не могут противостоять своим противникам слева — ученикам Белинского, пользующимся господствующим влиянием в передовых слоях русского общества. «Странная судьба русской земли,—восклицает Самарин,—целые поколения кормятся и вдохновляются Белинским, а Хомякова узнали и оценили 6—6 человек»⁶⁴. Отсутствием сочувственной среды и мотивировал Самарин Аксакову свои первоначальные сомнения в возможности успеха славянофильской газеты. Для газеты,—пишет Самарин Аксакову 22 июня 1861 г.,—более чем для всякого другого издания нужен успех, нужно если не сочувствие, то озлобление, по крайней мере какое-нибудь участие публики. Мы не только не можем на него рассчитывать, а напротив положительно знаем, что его не будет... Теперь для поколения, воспитанного Белинским, «Отечественными записками», «Современником» и т. д., наша среда вовсе не существует... слово наше этих людей не берёт»⁶⁵.

Самарин особые надежды возлагал на содействие правительственных кругов. От правительства он ждал поддержки, правительству он рекомендовал «День» как верного союзника в борьбе с демократической публицистикой. В письме к Головнину, написанном летом 1862 г., определяя «День» как «единственное издание, основанное на началах живучего консерватизма», Самарин увещевал своего адресата оградить славя-

нофильский орган от цензурных придирок: «Вам предстоит решить, что лучше: сохранить искреннего и надёжного союзника, каков он есть, со всеми его недостатками, резкостью, заносчивостью и т. д., или отвергнуть его... и остаться безоружным против «Колокола», «Современника» и «Русского слова»⁶⁶. И весьма характерно, что предложение о блоке славянофилов с правительством исходило именно от Самарина, имевшего уже известный опыт сотрудничества с правительственными кругами в недавнюю бытность его членом редакционных комиссий.

По существу, Самарин запоздал со своим предложением Головнину. Славянофилы уже в единении с правительством вели борьбу с демократическим лагерем. Вместе с другими дворянскими группировками они приняли участие в травле демократической публицистики. Эта травля способствовала запрещению в 1862 г. «Современника» и «Русского слова» и облегчила правительству расправу с Чернышевским. Еще в полемике «Дня» с «Современником» по поводу статьи Чернышевского «Национальная бестактность» Костомаров справедливо усмотрел со стороны славянофилов характер прямого доноса на Чернышевского как на «проповедника безбожия, социализма, революции»⁶⁷.

Две противоположные тенденции обнаруживаются в политических воззрениях славянофилов 40—60-х годов: первая, которая вытекала из монархической концепции, освещавшей существующий в стране государственный строй, проявлялась в тяготе к их мыслей к официальной идеологии и сближала их с правящими кругами; вторая, которая выражалась в их оппозиционных высказываниях, отражавших недовольство бюрократическим аппаратом, правительственным деспотизмом, цензурными гонениями, настраивала их против правительственных кругов. Эти две сталкивающиеся и вместе с тем долгое время сосуществующие в славянофильстве тенденции не в одинаковой мере сказывались на отдельных этапах идейной эволюции славянофильства и, конечно, с разной силой проявлялись у отдельных деятелей славянофильской группы.

Откликаясь на преобладающие в обществе настроения, славянофилы в предреформенные годы усилили в своей публицистике оппозиционный тон, старательно отгораживая независимость своих убеждений от официального образа мыслей.

Оппозиционные высказывания славянофилов, отдельные справедливые замечания их по адресу лиц, раболепствующих перед Западом, критика ими планов безземельного освобождения крестьян, защита общины создавали в глазах Чернышевского известную возможность для использования их в борьбе против крайне правых групп.

Отношение же Чернышевского к славяно-

⁶² Там же, стр. 331, 337.

⁶³ «И. С. Аксаков в его письмах». Т. IV. Ч. 2-я, стр. 67. СПб. 1896.

⁶⁴ Рукописное отделение Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, фонд Самариных. Сам. III, № 6. Письмо Ю. Самарина княгине Черкасской от 3 июня 1861 года.

⁶⁵ Там же. Сам. IV, письмо № 43.

⁶⁶ Там же, разд. IV, ед. хранения 7/6, письмо № 27, копия ответа Самарина к Головнину, приложенная к письму Аксакову от 1 июля 1862 года.

⁶⁷ «И. С. Аксаков в его письмах». Т. IV. Ч. 2-я, стр. 266. СПб. 1896.

фильству как идейному течению оставалось неизменно отрицательным. Таким оно было и в то весьма непродолжительное время, когда Чернышевский по мотивам тактического порядка вёл со славянофилами полемику в смягчённых тонах.

Взаимоотношения Чернышевского и славянофилов в конце 50-х и начале 60-х годов характеризуются резко обострившейся борьбой обеих сторон. Революционная демо-

кратия во главе с Чернышевским ставила своей задачей подготовку крестьянской революции в стране.

Славянофильство, быстро эволюционируя вправо, утрачивая элементы оппозиционности, всё более переходило в лагерь правительственной реакции, предвосхитив в своём развитии ещё в 60-х годах воззрения своих позднейших эпигонов — Леонтьева и Данилевского.